

Перейти поле

Южное лето дышало исходом. Собрали последнюю вишню и зимние сорта яблок, укладывали в фанерные дырявые ящики поздний виноград и грецкие орехи. Земля остывала.

Детская закрытая коляска в эти сентябрьские дни была хорошей защитой от зябкого ветерка. Прогулка перед сумерками с маленьким сыном доставляла ей радость после дня, полного забот по хозяйству. Приятно было просто идти, не торопясь по переулку между садами и палисадниками, повернуть на старый просёлок, вдохнуть живительный простор с небольшим холмом и маленькой балкой, поросшей яблоньками-дичками. А дальше желтеет сжатое кукурузное поле, широким взморьем обнимая дальний хутор – зелёный остров с добротными крышами домов и ожерельем высоких заборов.

Сыночек безмятежно спал, румянились щёчки; поверх одеяльца, под подбородком обязательный маленький кулачок, иначе не уснёт, пока не освободит ручонку. Крохе два месяца, а характер уже просматривается.

Стас догнал, когда она собиралась возвращаться домой. Это было так удивительно, в первый раз пришёл с работы рано. Он вообще пришёл! С весны гуляет с друзьями, с подругами. Работая водителем у директора с семи до шести, имея выходные, дома не живёт. Забежит раз в три-четыре дня, без объяснений поест, сменит одежду и опять в бега. От себя или от молодой семьи? Зачем женился и привёз на свою родину? Вот и сейчас не плавно везёт малыша, а толчками, точно препятствие преодолевает. Молчит угрюмо и скоро идёт всё дальше, по просёлку до хутора. Она ждала, что скажет.

Почти уткнулись в ограду крайнего сада, дорога резко повернула вправо и рассыпалась на петляющие переулки, размеченными аллеями с кронами плодовых деревьев. Разъярился, зашипел: «Что, привязать меня хочешь?» – «Да чем привязывать? Сыном? Дома не ночуешь с весны, живём у твоих родителей без тебя». Сказала с горечью и обидой, ожидая объяснения и примирения. А в ответ прошипел: «Сховаю, ничего нэ зробишь, кацапка».

И растворился, пропал, в разлившихся, подкравшихся сумерках, юркнув в проулок. Бросилась вслед, обегая доски, кучи мусора, кусты. Вскрикнула и, зажав рот руками, чтобы не испугать ребёнка, заметалась, между заборами. Наткнулась на солдатскую могилу с остроконечной звёздочкой, почти в каждом огороде или ограде эта память о войне. Обычно ухоженные и, в основном, безымянные. Хоронили после боёв, при оккупантах, тайком, а после освобождения какие вспомнили и обозначили, а какие и помнить было некому.

Присела рядом без сил, без понимания происходящего. Липкий холодок проникал насквозь, сковывал душу. «Как же так?» Кажется, она перестала дышать, вся обратилась в слух и напряжённо, преодолевая кошмарную панику и дрожь, всматривалась по сторонам.

Тихо. Скрипят цикады, подлаивают собаки. Он не мог далеко уйти, надо вернуться к дороге, к краю хутора. Ухватилась, как утопающая, за эту мысль. Сняла светлую кофту, стараясь не шуметь, скользила, прижимаясь к заборам, на каждом повороте отчаянно всматривалась, пытаясь увидеть поле. Вот она, межа с метровым бурьяном! Затаилась, поворот широким коромыслом лежал рядом, шагах в десяти. Теперь ждать – приказала себе. Только ждать... Груди затомились, затяжелели от прибывающего молока, скоро кормление. Сыночек ест по

часам, сейчас закричит, закутится да и заплачет. А отец-то не знает про кормление, не видел...

Минуты медленно струились вместе с наплывающим туманом, час, полтора – оглохла что ли? «Господи, Отче наш...» Мухой осенней билась одна мысль – вытерпеть, укараулить. И вот он – плач! Звонкий, требовательный. Стас отскочил, посторонился от неожиданного её броска. Птицею метнулась над коляской, привычно цепко и ласково выхватывая маленький спелёнатый комочек. Привернула одеяльцем и быстрым шагом, полем, прямее до горящих впереди фонарей и окон посёлка, босиком. Когда успела разуться, не вспомнила, загодя, наверное, пока ждала. Стас оторопел от такой наглости, что-то кричал, катя коляску по дороге, но догнать не стал. О, как несла её радость, как мыли сердце слёзы! На ходу растегнула верхние пуговицы платья, остановилась и приложила к груди своё сокровище...

Земля была тёплая, с корочкой комков, отдохнувшего под пологом вечера свежего испечённого хлеба, и такой же пахучей мягкой, как хлеб. Покачала, нежно баюкая малыша, и пошла. Младенец спал, дочмокивая губками.

Было совсем темно, она шла споро, но осторожно. Знакомыми проулками, не отнимет уже, не посмеет. Вымыла ноги в тазу у порога. Свёкор со свекровью вечеряли.

– Что поздно? Хлопца заморозила.

– До хутора дошла, возвращалась долго.

Прошла в дальнюю комнату, тихонько воркуя, перепеленала на диване, уснула, прижав сына. Утром во дворе, около собачьей будки увидела коляску, теперь совсем не нужную. Сына с рук не спускала.

Он появился через три дня, когда получила телеграмму о болезни отца. Вот и повод уехать – знала, навсегда. Всё перегорело, как молоко в тот вечер. Откормила последний раз на

поле, а потом сочилась только пустая серая водица, и та иссякла. Свёкор наказал ему проводить на самолёт. И сама бы справилась, сумка лёгкая, только детские вещи и молочная смесь на дорогу. Час автобусом до Донецка ехали чужими.

Стас стоял у зоны контроля, пока она покупала билет до Минвод. Встретил среди освещённого солнцем просторного зала. В высоких окнах вместе с лучами плескалось бледно-голубое небо, разливалось, отражаясь серебром в кафеле пола. Опустился перед ней на колени, смяв в руках пижонскую модную шляпу, кто-то подарил.

– Прости, всё сложно.

О сыне не говорил, будто его не было, никогда не было! Мрачной зябкой ночной пустыней, глухой развалиной казался ей залитый искристыми потоками шумный и гулкий аэровокзал. Люди суетились, спешили, громко объявлялись рейсы. Она прошептала:

– Прощай... нужны будем, приедешь...

Эти несколько секунд прощания тянулись, текли десятилетиями. Вдохнула и пошла к выходу на посадку. Не окликнул, не догнал, не прижал. Сумку донёс посторонний пожилой мужчина до самого места в салоне.

Самолёт плавно оторвался и, описывая круг, взял направление на восток. Было три перелёта. Каждый раз, на взлёте и посадке, глядя в иллюминатор, видела она не взлётную полосу, а скошенное золотистое кукурузное поле.